Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 4. С. 156–163
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(4):156–163
Политология и этнополитика

Научная статья
УДК 321.01+323
https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-156-163 EDN NKMSPN

Региональная политика России в условиях геополитической турбулентности 2020-х гг.: особенности реализации и тренды развития

Алексей Сергеевич Гончаров[1], Галина Геннадьевна Уварова[2]

[1, 2]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

[1]192gonchar@mail.ru

[2]2188799@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ региональной политики в Российской Федерации в условиях современных геополитических изменений. Автор исследования рассматривает основы региональной политики в зависимости от имеющейся нормативно-правовой базы и ряда факторов, влияющих на формирование локальных политик на местах; выделяют общие ее направления. На основе системного и структурно-функционального анализа, а также институционального подхода рассматриваются возможности повышения резистентности и саморазвития региональной политики в контексте геополитической и макроэкономической нестабильности. На основании проделанного исследования, а также аналитики текущих глобальных изменений, автор формулирует несколько трендов дальнейшей эволюции регионального измерения политики и приходит к выводу, что сегодня очень важным является поиск гармоничного баланса между государственным управлением и автономией регионов.

Ключевые слова: геополитическая турбулентность, развитие регионов, региональная политика, региональная резистентность, управление региональным развитием, федеральный центр и субъекты

Для цитирования: Гончаров А. С., Уварова Г. Г. Региональная политика России в условиях геополитической турбулентности 2020-х гг.: особенности реализации и тренды развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 4. С. 156–163. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-156-163. EDN NKMSPN

Politology and Ethnopolitics

Original article

Regional policy of Russia in the context of geopolitical turbulence in the 2020s: features of implementation and development trends

Alexey S. Goncharov[1], Galina G. Uvarova[2]

[1, 2]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

[1]192gonchar@mail.ru

[2]2188799@mail.ru

Abstract. The article analyzes regional policy in the Russian Federation in the context of modern geopolitical changes. The authors of the study consider the fundamentals of regional policy depending on the existing regulatory framework and a number of factors influencing the formation of local policies on the ground; identify its general directions. Based on a systematic and structural-functional analysis, as well as an institutional approach, the author's team considers the possibilities of increasing the resistance and self-development of regional policy in the context of geopolitical and macroeconomic instability, the transformation of regions into stable political units within the Federation. Based on the research done, as well as the analysis of current global

© Гончаров А. С., Уварова Г. Г., 2023

changes, the authors formulate several trends in the further evolution of the regional dimension of politics and come to the conclusion that today it is very important to find a harmonious balance between public administration and regional autonomy.

Keywords: regional policy, geopolitical turbulence, regional development, regional resistance, regional development management, federal center and subjects

For citation: Goncharov A. S., Uvarova G. G. Regional policy of Russia in the context of geopolitical turbulence in the 2020s: features of implementation and development trends. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(4):156–163. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-156-163. EDN NKMSPN

Введение

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что мощная динамика хаотичной геополитической турбулентности стала характерной чертой и стигмой темпорального периода политического времени эпохи 2020-х гг. Наивысший пик бифуркации постмодернистской политической конфигурации протекает именно сегодня, он мощнее и опаснее чем тот тектонический сдвиг, который происходил в конце XX столетия. Глобальная нестабильность во всех сферах человеческой деятельности становится тотальной «бытовой нормой», дестабилизируя и саму политику как один из ведущих драйверов социальной эволюции. Мутация мирового политического порядка, переход от западной гегемонии к многополярному миру через, по словам американского политолога Р. Хааса, «хаос бесполярности» [1] означает глобальное движение от неолиберального конструкта «слабого государства» с децентрализованной системой властного распределения к модели «сильного государства» эпохи нового витка комплексного политико-экономического кризиса и противостояния ведущих держав за право формирования нового устройства миросистемы.

В этих условиях Россия, как один из бенефициаров смены глобальной гегемонии Запада на равноправное, многополярное политическое пространство, а также, что самое важное, учитывая федеративную административно-территориальную модель страны, ее регионы сталкиваются с комплексными военно-политическими, социально-экономическими, аксиологическими и экзистенциальными вызовами и угрозами. Процесс формирования «сильного государства» в России начался, практически, с нуля после ослабления властной вертикали в период посткоммунистической трансформации 1990-х гг., вследствие чего были возведены в некоторую «институциональную норму» условия региональной неуправляемости, клановости элит и коррупциогенности, с практическими последствиями которых государство столкнулось сравнительно недавно. И если на федеральном уровне РФ достаточно успешно справляется с геополитическими и геоэкономическими пертурбациями, поддерживая политический имидж, обеспечивая обороноспособность и стабильность экономической конъюнктуры, то региональное измерение политики России в этих обстоятельствах находится под системным ударом множества эндогенных и экзогенных факторов. С момента падения СССР политика в регионах находилась в хаотичном состоянии перехода от полукриминальной (в эпоху неспокойных 1990-х гг.) до стройной, но слишком громоздкой и бюрократизированной системности 2000-х гг. Однако эпоха 2020-х гг., начавшаяся с шоковых эффектов пандемии COVID-19 и продолжающаяся в контексте проведения специальной военной операции, обнажила множество провалов подобной бюрократической системы, направленной на обеспечение механизмов сохранения стабильности и продолжения «конформистского» курса местных элит, не желающих менять состояние в вверенных им регионах под игнорирующим до этого времени многие проблемы взором федерального центра.

Но, несмотря на это, именно регионы сегодня во многом обеспечивают многофакторную устойчивость и сплоченность государства, получая некоторый прирост автономии в вопросах обеспечения безопасности (что крайне актуально для приграничных с Украиной субъектов Федерации), однако при этом ощущая на себе тенденцию усиления контроля центральных властей над региональной политикой и сужения рамок политической самостоятельности. В этих условиях трансформации подлежит не просто система взаимоотношений внутри структуры российского федерализма, а феномен региональной политики, обладающий сегодня амбивалентной значимостью для государства: с одной стороны, лишь региональная политика может обеспечить устойчивость и стабильность управления развитием субъектов РФ (что возможно только посредством увеличения ее автономности, учитывая исторические особенности территорий), а с другой – региональная политика в условиях нынешнего кризиса все менее способна решать спектр возникающих проблем самостоятельно без вмешательства и примата политических решений федерального центра просто потому, что предыдущие тенденции ее развития не привели регионы к состоянию эффективных политических единиц.

В связи с этим, возникает необходимость исследования характеристик региональной политики современной России, выявления особенностей ее реализации, перспектив обеспечения устойчивого существования регионов, а также основных трендов развития региональной политики в ближайшей перспективе.

Основы современной региональной политики

Как и любой другой вид политики, региональная политика основывается на определенном нормативно-правовом базисе, который, к сожалению, нельзя обозначить в категориях «широкого спектра законодательных актов». Помимо Конституции РФ, правовыми основаниями для региональной политики являются ФЗ № 414 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»[1], Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года[2], локальные стратегии социально-экономического развития субъектов РФ (например, Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 г.[3]), ФЗ № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[4] и основанный на последнем Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации до 2025 г.»[5] – один из важнейших документов (в частности, определяет принципы, цели и задачи политики регионального развития).

Однако имеющаяся законодательная база постепенно приводит форм-фактор региональной политики под синхронный вид деятельности общей государственной политики. Так, например, вызвавший широкий общественный резонанс ФЗ № 414 продолжает исправлять недостатки и совершенствовать механизмы организации и взаимодействия органов публичной власти (федеральных, региональных, муниципальных), действующих на территории субъектов РФ. Он закладывает основы модели «сильного государства» переходной эпохи – модели единой системы публичной власти, согласно которой в регионах России закрепляются унифицированные принципы деятельности и политики указанных органов. При этом он вводит закономерное усиление централизации политической власти в стране по вполне объективным причинам, наделяя федеральный центр правом участвовать в формировании органов исполнительной власти субъектов Федерации, устанавливает более жесткий контроль над деятельностью глав регионов, а также увеличивает степень их должностной ответственности [2].

По нашему мнению, усиление влияния федерального центра в политической жизни регионов обосновывается глобальным кризисом второго десятилетия XXI века. Масштабные экономические проблемы, вызванные, как волатильностью глобальной политики, изменением социальных мегатрендов, так и ухудшением экологической, демографической, миграционной обстановки, не могут быть решены на местах за счет имеющихся ресурсов, которых, практически, всегда недостаточно для преодоления проблемной ситуации. Вмешательство государства в дистрибутивные отношения, попытка регулирования экономики в период пандемии коронавируса и сегодня, когда черты национального хозяйства все больше приобретают характеристики мобилизационного формата, расширенная социальная поддержка населения в связи с санкционным давлением – все это, так или иначе, требует усиления позиций федерального центра принятия решений, и это не только российская тенденция, она характерна для многих государств, в том числе, для стран Запада, понимающих природу неолиберального политического кризиса, но не имеющих возможности противостоять ему путем дальнейшего ослабления национальных правительств и передачи регулятивных функций свободному рынку.

Реализация и основные направления современной региональной политики России зависят от множества факторов, включая наличие/отсутствие ресурсов, экономическую потенцию, инвестиционный климат, культурные и исторические особенности, а также географическое расположение региона.

---

[1] ФЗ № 414 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» - [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/403266160/ (дата обращения 01.08.2023).

[2] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. URL: http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf (дата обращения 01.08.2023).

[3] Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года. [Электронный ресурс]. URL: https://www.donland.ru/activity/2158/ (дата обращения 01.08.2023).

[4] ФЗ № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения 01.08.2023).

[5] Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации до 2025 г.». – [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41641 (дата обращения 01.08.2023).

Если конкретизировать факторную контингенцию в расширенном формате, то представляется возможным выделить следующие факторы, определяющие направления региональной политики:

1. Масштабы, форм-фактор и вектор использования материальных и нематериальных ресурсов, а также человеческого капитала, что особенно важно для развитых субъектов – Москвы, Санкт-Петербурга, Республики Татарстан, Томской области и др., демонстрирующих высокие показатели социально-экономического и инновационного развития. Так, например, по данным Российского регионального инновационного индекса (РРИИ) 2021, показатели инновационного развития регионов России определяют уровень благосостояния и качества жизни проживающего в них населения, а также основных производственных направлений (в Москве показатель РРИИ составляет 0,5508, в Санкт-Петербурге – 0,5304, в Татарстане – 0,4984 – это самые высокие показатели рейтинга). Закономерно, что именно в этих регионах наблюдается весомая концентрация высокотехнологичных компаний, достаточно высокий уровень оплаты труда и социальных гарантий, что в целом вызывает и политическую лояльность, устойчивое положение местных элит, их технократический характер управления [3].

2. Географическая локализация региона, его приближенность или отдаленность относительно центров производства-потребления, логистических путей. Данный фактор критически влияет на социально-экономическую обстановку, вид производственной деятельности и индикаторы экономического районирования, величину транспортных расходов, стоимость базовых продуктов, масштабы внутрирегиональных и межрегиональных сетей (особенно характерно для отдаленных регионов России, например, Республики Якутия, Камчатского края, Магаданской области и др.).

3. Уровень социально-экономической дифференциации[4], который характеризуется финансовым благосостоянием населения, показателями безработицы, недостатком или развитостью наукоемкого или эффективного промышленного производства, степенью технологической и организационной отсталости, а также запаздыванием «инновационных вливаний» и процессом диффузии инноваций (особенно характерно для проблем цифровизации региональной инфраструктуры) [5].

4. Политическая стабильность региона, эффективность функционирования местных элит и региональных институтов, от чего зависит успешность выполнения и реализации национальных программ и проектов развития, минимизация политических рисков и противоречий между представителями этнических меньшинств, своевременное упреждение военной угрозы (в случае Центрального и Южного федеральных округов, от Брянской области до Краснодарского края).

5. Инфраструктурная наполняемость – наличие логистических центров, транспортных и телекоммуникационных сетей, аэропортов, железных дорог, объектов социального обеспечения населения.

Главным и обобщающим направлением региональной политики является обеспечение резистентной, комплексной региональной конъюнктуры, заключающееся в нивелировании опасных политических и территориальных противоречий, религиозных и этнических различий и переплетающихся с ними экономических проблем. Закономерная интенсификация данных угроз наблюдается сегодня, когда внешняя мировая и внутренняя государственная обстановки находятся в состоянии текучей неопределенности и роста конфликтогенности. Очевидно, что усиленное положение федерального центра подразумевает под собой не сугубое лишение автономии субъектов, а системную модернизацию управления региональным развитием, которая отвечала бы вызовам современного исторического формата и могла бы решать возникающие внутренние противоречия в институционально очерченных рамках политического процесса, как с применением принципов субсидиарности, так и директивно (учитывая актуальную геополитическую обстановку и состояние вооруженного конфликта с приграничным государством).

Сегодня различают прямое и косвенное управление региональным развитием. Прямой формат управления – это региональная экономическая политика (включая секторальные стабилизационные меры, зависящие от указанных выше факторов), оказывающая воздействие на социально-экономическое развитие субъектов России. Она подразумевает параллельную оптимизацию системы бюджетного федерализма, трансфера ассигнований и государственного финансирования региональной инфраструктуры, изменения и поправки в фискальной политике и определение специализированных налогов зон (например, для территорий опережающего экономического развития, для региональных технологических кластеров), обновление основных фондов, оказание финансовой помощи населению и перспективным, стратегическим предприятиям (IT-компаниям, агропромышленным, энергетическим и оборонным производствам). Прямое управление задает параметрические рамки региональной политики, сохраняет государственные обязательства перед населением и определяет векторы, влияющие на формулирование целей и задач локальной политики региона.

В свою очередь, косвенное управление региональным развитием заключается в имплицитных и, зачастую, непубличных решениях, связанных с последствиями обстановки в регионах относительно глобальных изменений и федеральной политики. Оно заключается в работе правоохранительных органов, совещательных региональных и федеральных мероприятий, директивного назначения должностных лиц, общем обеспечением политики национальной безопасности.

Оба вида управления сегодня применяются для более эффективной и слаженной реализации региональной политики в следующих обобщенных направлениях (рис. 1).

Рис 1. Общие направления современной региональной политики в Российской Федерации[1]
Fig. 1. General directions of modern regional policy in the Russian Federation

Возможности повышения резистентности и саморазвития региональной политики

Учитывая современное положение, справедливости ради необходимо отметить, что предлагаемый регионам со стороны федерального центра инструментарий политического управления и саморазвития является достаточно ограниченным для того, чтобы обеспечить должный уровень резистентности и эффективности региональной политики. Если нивелирование угроз политической неуправляемости отражается в серьезной работе центра по усилению влияния на местные элиты и контроле над качеством деятельности институтов и должностных лиц, то перечень инструментов саморазвития включает в себя, в основном, финансовые трансферты, федеральные целевые программы и наделение тех или иных регионов особыми правовыми режимами. Например, режимы особых экономических зон, зон территориального развития, территорий опережающего развития являются достаточно желанными правовыми режимами для многих субъектов РФ в силу того, что они обеспечивают совершенно иной уровень функционирования региональных администраций, предприятий, обеспечивают устойчивую социально-экономическую конъюнктуру и позволяют выстраивать собственные особенности диалога с федеральным центром.

Посредством территориального зонирования и поддержки регионов, центр постепенно стимулирует регионы к повышению самостоятельности в вопросах хозяйственной, инновационной, экологической и социальной деятельности, что, так или иначе, влечет за собой рост некоторой автономии в управлении территориями и постепенно превращает регион в самостоятельную производственную единицу, от социально-экономического и технологического потенциала которого зависит уровень реального политического веса и возможность добиваться дополнительных преференций.

[1] Составлено по: Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации до 2025 г.». – [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41641 (дата обращения 01.08.2023).

При наделении территорий того или иного региона особым правовым режимом, региональная политика обретает четкую «идеологическую» и целевую ориентацию на дальнейшее обеспечение устойчивого экономического роста, формирование благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечение некоторой акселерации в развитии и создании комфортных условий для жизнедеятельности населения в максимально возможных формах самостоятельности. В этом плане поддержка государства в развитии инновационной инфраструктуры, преодолении социально-экономического разрыва межу субъектами РФ, а также дополнительного делегирования некоторых полномочий (например, экстренных прав по возможности обеспечения региональной безопасности) является комплексной инвестицией в перспективу обретения регионами необходимых ресурсов для резистентного существования в нестабильном мире.

Однако, как мы отметили выше, инструментарий политического управления и саморазвития в рамках региональной политики остается недостаточным. Он может быть потенциально эффективен, но достижение положительных эффектов и поставленных целей всегда определяется условиями, в которых он используется. К сожалению, современная санкционная политика в ощутимой мере оказывает влияние на возможности России развивать собственные территории, от чего активное внедрение методологии территориального зонирования пока что представляется проблематичным относительно макроэкономической и геополитической составляющих. К тому же существуют проблемы ограниченности органов государственной власти субъектов Федерации в выборе инструментов, позволяющих обеспечивать саморазвитие регионов. Но, несмотря на это, государство продолжает формировать оптимальную модель автономии/контроля над региональной политикой, стараясь выравнивать перегибы в полномочиях регионов возможностями стимулирования их саморазвития в экономическом ключе, при этом оставляя вопросы политической самостоятельности под вниманием федерального центра.

Дальнейшие тренды развития региональной политики

Геополитическая напряженность продолжает дестабилизировать как глобальное, так и национальное политические пространства. Региональное измерение политики в этих условиях обретает несколько эволюционных трендов, обуславливающих дальнейшее развитие регионов России в новых реалиях.

Начать стоит с упомянутой выше оптимальной модели автономии/контроля над региональной политикой. Ее поиски активизируются именно сегодня, когда вопросы разграничения обязанностей между федеральным центром и регионами приобретают стратегически важное значение. Такая модель будет укореняться и формироваться с дальнейшей практикой и оптимизацией деятельности ФЗ № 414 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Можно предположить, что постепенно действие закона будет приводить в гармонию потребности и интересы, как федерального центра, так и регионов, генерируя гибкую систему российского федерализма. При этом важно, чтобы центр не лишал регионы достаточного политического пространства для разработки и реализации своих программ и политик, основываясь на особенностях и приоритетах своих жителей. Вместе с тем, крайне необходимым является установление ясных границ и ответственностей между федеральным и региональным уровнями власти в целях избежания конфликтов и противоречий, так как в условиях внешне- и внутриполитической напряженности любой кризис может оказаться роковым для всей государственной системы. В данном случае, превалирующую ответственность должен взять на себя центр в силу веса собственной политической субъектности.

Беря во внимание заинтересованность регионов правовыми режимами, по ходу преодоления санкционных издержек, видятся возможными дальнейшие практики территориального зонирования, системного апгрейда пространственных аспектов экономической безопасности, развития инвестиционной, инновационной, экологической и кластерной политик в условиях перехода к системам стратегического планирования. В частности, кластерная политика, активно внедряемая в контекст региональной повестки до 2020 г. показывала неплохие результаты в сфере импортозамещения [6] и обеспечения долгосрочного экономического суверенитета. Считаем целесообразным вернуться к практике технологической кластеризации по мере восстановления экономического роста.

В условиях осложнений взаимоотношений с европейскими державами, видится реальной (по сути, уже началась) комплексная переориентация производственно-сбытовых, логистических, туристических сетей с Запада на условный «Восток» (страны Азии, Африки, а также в перспективе Латинской Америки). Пространственное изменение деятельностных потоков будет способствовать форсированной диверсификации региональных хозяйств, что, гипотетически, уменьшит зависимость от конкретных отраслей или внешних рынков, векторно связанных, например, с Еврозоной. Это позволит субъектам обрести большую устойчивость и обеспечить экономическую безопасность в условиях

геополитических рисков ввиду того, что внешнеэкономические и внешнеполитические отношения регионов будут выстраиваться с государствами, проводящими дружественную политику в отношении России и не стремящимися разрушить ее производственный потенциал, а наоборот – ищущих наиболее выгодные модели взаимоотношений. Это может быть осуществлено через привлечение иностранных инвестиций, развитие экспортного потенциала и привлечение туристического потока. Сегодня регион выступает в качестве самостоятельного экономического агента в конкурентных процессах, а устойчивое развитие субъектов РФ достигается путем проведения логичной и результативной региональной политики, реализация которой связана с задачей повышения их конкурентоспособности [7].

Несмотря на то, что Россия – одна из крупнейших энергетических держав, в нынешних условиях, было бы разумно помочь регионам провести диверсификацию источников энергопотребления, частично направив часть внешнего экспорта на обеспечение внутреннего спроса на нефтегазовые ресурсы в промышленных регионах, а также начать постепенный переход к зеленым видам энергетики и рационального природопользования. Так, субъекты могут стремиться разнообразить свои источники энергоснабжения, чтобы снизить риски геополитических конфликтов, связанных с энергетическими ресурсами. Привлечение альтернативных источников энергии, развитие энергоэффективности и использование возобновляемых источников энергии могут быть важными шагами в этом направлении, на которые стоит обратить внимание федеральному центру и региональным администрациям.

Одним из самых явных трендов развития региональной политики становится укрепление региональной безопасности. Сегодня регионы наделяются большим количеством полномочий по обеспечению безопасности в связи с событиями в Украине и еще ряде буферных зон. Мы отчетливо наблюдаем тенденции к формированию региональных отрядов территориальной обороны, кибербезопасности, укрупнение резервов материальных ресурсов, а также подготовку кризисных планов и мер по обеспечению гражданской защиты. В ближайшей временной перспективе, с большей долей вероятности, этот тренд будет только расти.

Вероятно, что пересмотру будет подвергнута методология стратегического планирования в регионах в связи с тем, что по данным Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера[1], большинство стратегий были разработаны регионами до утверждения Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (до 2019 года). Временной период их разработки характеризовался относительной стабильностью мирового политического пространства, в связи с чем, в сегодняшних реалиях необходим качественный пересмотр методик целеполагания, оценки и ревизии имеющихся ресурсов и возможностей регионов.

Эти тренды указывают на необходимость адаптации и укрепления региональных стратегий и политик в условиях геополитической напряженности. Регионы должны стремиться к созданию устойчивых и разнообразных экономических моделей, укреплению сотрудничества и развитию внешних связей для минимизации рисков и обеспечения безопасности и устойчивого развития – иными словами, превращаться в отдельные живые «органы» внутри Федерации, поддерживающие ее успешное функционирование.

Подводя итог, отметим, что современная реальность полностью меняет прежнее политическое пространство. Регион, как составная часть Российской Федерации получает не меньшую долю геополитического давления, чем само государство. Именно поэтому его функционирование должно протекать в четкой синхронности с устремлениями федерального центра и учетом собственных нужд и возможностей. Ведь нельзя забывать, что каждый субъект Федерации уникален. В связи с этим, региональная политика должна учитывать специфику каждого субъекта, исходя из его географического положения, экономического потенциала, социально-культурных особенностей и имеющихся ресурсов. Это поможет оптимизировать процессы развития, достичь максимальной эффективности и улучшить жизнь жителей каждого региона. Одновременно с этим, региональные политики должны быть взаимосвязаны с общегосударственными целями и приоритетами, чтобы обеспечить единство и целостность страны. Очень важно найти устойчивый баланс между государственным управлением и автономией регионов, чтобы достигать эффективное решение местных проблем и сохранять единство и координацию на федеральном уровне. Только через взаимодействие и сотрудничество между федеральным центром и регионами можно достичь устойчивого развития всей страны.

[1] Информационно-аналитические материалы парламентских слушаний на тему "Новые подходы к стратегическому планированию в Российской Федерации: вопросы регионального развития". 2022. [Электронный ресурс]. URL:http://council.gov.ru/media/files/Y0AgGgaCBQkA55he19VmFnX83RBy6rAe.pdf (дата обращения 04.08.2023).

Список источников

1. Хаас Р. Мировой беспорядок. М.: АСТ. 2019. 320 с.
2. Деревянко В.А., Василенко С.В., Слинько А.А. Новые реалии региональной политики // Регион: системы, экономика, управление. 2022. № 1 (56). С. 36-40.
3. Абашкин В. Л. , Абдрахманова Г. И. , Бредихин С. В. и др.; под ред. Л. М. Гохберга. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 7. М.: НИУ ВШЭ. 2021. 274 с.
4. Айрапетян Д. А., Черкасова Т. П. Инновационная политика Российской Федерации в новом десятилетии: проблемы, тенденции, перспективы // Современные тенденции в государственном управлении, экономике, политике, праве. 2022. С. 79-90.
5. Кучина А. В. Направления современной региональной политики в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 1 (93). С. 234-236.
6. Жеухин И. А. Региональные кластеры как инструмент долгосрочной политики экономического суверенитета // Региональная экономика и управление. 2023. № 2 (74). – [Электронный ресурс]. URL: https://eee-region.ru/article/7403/ (дата обращения 04.08.2023).
7. Игнатова Т. В., Кюрджиев С. П., Уварова Г. Г. Факторный подход к оценке условий развития конкурентной среды на региональном уровне // Естественно-гуманитарные исследования. 2019. № 25(3). С. 81–85. EDN PQJWRX.

References

1. Haas R. *World disorder.* Moscow: AST, 2019: 320. (In Russ).
2. Derevyanko V. A., Vasilenko S. V., Slinko A. A. New realities of regional policy. *Region: systems, economics, management*. 2022;1(56):36-40. (In Russ.)
3. Abashkin V. L., Abdrakhmanova G. I., S. V. Bredikhin and others.; in order. L. M. Gohberga. Rating of innovative development of the subjects of the Russian Federation. Issue 7. Moscow: HSE. 2021: 274. (In Russ).
4. Ayrapetyan D.A., Cherkasova T.P. Innovation policy of the Russian Federation in the new decade: problems, trends, prospects. *Modern trends in public administration, economics, politics, law*. 2022: 79-90. (In Russ).
5. Kuchina A.V. Directions of modern regional policy in Russia. *Economics and Business: theory and practice*. 2022; 1 (93): 234-236. (In Russ).
6. Zheukhin I.A. Regional clusters as an instrument of long-term policy of economic sovereignty. *Regional economics and management.* 2023; 2 (74). Available form: https://eee-region.ru/article/7403/ (Accessed 04.08.2023). (In Russ.)
7. Ignatova T. V., Kurdjiev S.P., Uvarova G.G. Factor approach to the assessment of conditions for the development of a competitive environment at the regional level. *Natural sciences and humanities research*. 2019;25(3):81–85. (In Russ.)

Информация об авторах

А. С. Гончаров – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Г. Г. Уварова – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и этнополитики, профессор кафедры экономики, финансов и природопользования ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. S. Goncharov – Postgraduate at the Department of Political Science and Ethnopolitics of South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

G. G. Uvarova – Dr. Sci. (Polit.), Professor of the Department of Political Science, and Ethnopolitics, Professor of the Department of Economics, Finance and Environmental Management of South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 18.10.2023; одобрена после рецензирования 11.11.2023; принята к публикации 12.11.2023.
The article was submitted 18.10.2023; approved after reviewing 11.11.2023; accepted for publication 12.11.2023.